

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Мой кузен Биссинг впервые увидел пирамиды еще маленьким мальчиком. Он стал египтологом. Первое детское впечатление оказало решающее влияние и на меня. Войну 70-го года я пережил 4-летним мальчиком. Бои и смерти за величие Германии, за воплощение тысячелетней мечты Германии об империи, неустанная, самоотверженная работа на благо Отечества, которую изо дня в день до глубокой ночи вел мой отец, будучи плохо оплачиваемым, бедным прусским ландратом¹, наряду с ранней смертью моей матери оказали столь глубокое влияние, что для меня стало несомненным: моя жизнь принадлежит Отечеству.

Потсдам, откуда начал восхождение по карьерной лестнице отец, своими памятниками скромному величию прусских героев только укрепил веру в мои идеалы. Я захотел стать солдатом. И хотя мой великолепный учитель истории обратил мои помыслы на изучение истории, истории Отечества, однако мне вскоре стало ясно: Господь создал меня быть человеком действия, а не ученым.

После года обучения за границей, расширившего мой кругозор, в Потсдаме я вступил в полк короля Прусского, который носил имя фон дер Гольца² до того, как великий король, еще будучи кронпринцем, встал во главе него в Рейнсберге.

Жесткая солдатская школа, особенно суровая в этом старом прусском полку, который стремился оставаться образцом для всей армии, была несколько стеснительной для слишком самостоятельных персон. Однако она являлась лучшим местом для воспитания патриотизма и характера из тех, что когда-либо существовали на этой земле. Именно ее в первую очередь прусский и немецкий народ должен благодарить за свой политический и экономический

взлет, потому что юный немец, лишь став солдатом, узнавал, что такое отдать все свои духовные и телесные силы службе общему делу. Весьма показательно мнение одного американца о том, что своим ошеломляющим и громадным экономическим развитием Германия обязана всеобщей воинской повинности. Естественно, было и весьма много усердных немцев, которые никогда не были солдатами, другие же по натуре своей относились к военной службе уклончиво или даже враждебно; кое-что действительно нуждалось в обновлении, однако в целом процитированное выше соответствовало действительности. Поэтому величайшей виной на счету «прославленной»³ революции, вероятно, является то, что она столь основательно разгромила тот фактор культуры, каким были прусско-германские вооруженные силы.

Я смотрел в старые мудрые и серьезные глаза кайзера Вильгельма I, этого истинного образца прусского благородного, строгого выполнения долга. В тот вечер, когда он умер, я, плача, стоял у его смертного одра, и мне, как и тысячам других, казалось, будто бы весь мир замер, как если бы начиналась совершенно новая эра германской истории. И мы чувствовали верно. 9 марта 1888 года означало столь же поворотный пункт, такой же исторический рубеж, как и 9 ноября тридцатью годами позже.

Кронпринц, ставший позднее кайзером Фридрихом, как и кайзер Вильгельм II, всегда был благосклонным ко мне начальником. А от самого двора я держался довольно далеко.

При кайзере Вильгельме II офицерский корпус работал лихо-радочно. Тактика всех родов войск развивалась по новым, современным направлениям. При гениальном графе Шлиффене обучение стратегии, а также образование в Генеральном штабе достигло высшей точки. Возможно, приходилось работать слишком много. Поэтому некоторые высокоодаренные старшие офицеры Генерального штаба уже имели не столь свежие нервы, каких требовала четырехлетняя война, а некоторые другие выдающиеся личности вынуждены были настолько сконцентрировать свои силы на профессии, что оказались почти беспомощными перед той новой обстановкой, в которой их застала революция.

В офицерском корпусе произошла огромная имущественная перемена: тяга к роскоши, благополучию, внешним условиям и карьеризму — явное отступление беззаветного пруссачества перед корыстными нравами, естественно, не прошло бесследно. И в этом для целого народа заключалась явная опасность, в которой крылись тревожные признаки грозящей гибели. Однако, несмотря на это,

офицеры твердо придерживались старой стези чести и строгого исполнения долга, и они вполне осознавали свою задачу составить антитезу начинающемуся разложению. Против недостойных представителей корпуса выступали без всякой пощады.

Моя карьера очень рано привела меня в Военную академию и в Генеральный штаб, к которому я и был приписан в течение 13 лет с двухлетними перерывами в качестве командира роты и батальона. Я с благодарностью вспоминаю о многих выдающихся командирах и товарищах, на примере которых я смог продолжить свое развитие. Каждый из генералов, у которых мне пришлось служить офицером Генштаба⁴, был своеобразным человеком, и они являли собой доказательство того, что внешне столь нивелирующая военная служба не подавляет личности, а лишь оттачивает характер.

В 1905 и 1906 годах я служил на должности первого офицера Генштаба в штабе корпуса в Магдебурге под руководством будущего фельдмаршала фон Гинденбурга, которого впоследствии столь боготворила Германия. Тогда же он был любимым и всеми уважаемым командиром корпуса, который как человек и как солдат превосходил всех своих подчиненных. Широко известны были его критические замечания, в которых он немногими краткими фразами всегда попадал в самую точку. Особое значение этот выдающийся человек придавал обучению офицерского корпуса, души армии.

Германская армия растратила многих, кто являл собой истинные дарования и безвестно пропал, однако для меня остается крайне сомнительным, что Германия сумела бы подняться на более высокую ступень развития, если бы все эти таланты при недостаточном размере достойной упоминания армии мирного времени смогли бы избрать себе иную профессию. Ведь народ тогда стал бы изнежен и вырожден бы так же, как и в императорском Риме. Если германский народ хотел оставаться народом мужчин, следовало обязательно создать замену всеобщей воинской повинности, не давая этому помешать соображениям внешней политики.

Я трудился в Генеральном штабе в английском отделе, когда в 1897 году проявились первые признаки враждебности со стороны Англии в отношении Германии. В 1904 году мой командир дивизии, генерал фон Лёвенфельд, был командирован в Англию к Эдуарду VII. Перед своим отъездом он застал нашего кайзера в большой тревоге, ведь «богатый купец по ту сторону моря хочет умертвить молодого многообещающего конкурента». В 1905–1906 годах в качестве первого офицера Генштаба я корпел в Магдебурге над

планом мобилизации, чувствуя, что упорная и непрерывная работа, проводившаяся все эти годы, на этот раз действительно будет осуществлена на практике. Месяц март, непосредственно предшествующий начинающемуся 1 апреля новому мобилизационному году, показался настолько политически напряженным, что не было уверенности даже, по какому плану придется проводить мобилизацию: по новому или все-таки по старому.

Об агрессивных планах с нашей стороны никогда не было и речи, только лишь о том, чтобы Германия и далее могла не давать себя в обиду в случае недостойного обхождения с ней со стороны держав Антанты. Сколь бы незначительными ни были эти личные переживания, они еще раз показывают, сколь долго витала в воздухе мировая война и сколь детскими являются попытки найти виновного в случившемся наконец извержении давно уже дымившегося кратера. Если же, однако, Англия требует перед своим форумом⁵ назвать истинного зачинщика, то, будучи непосредственным виновником, стоило бы действовать по принципу «Лучшая защита — это нападение».